

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена ЛОГУНОВА

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

КУКИШ
С ИКОРКОЙ

Елена и Ирка

Елена Логунова
Кукиш с икоркой

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Кукиш с икоркой / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2005 — (Елена и Ирка)

Тележурналистке Елене предложили весьма заманчивую халтурку: немного поработать частным сыщиком. Банкирша Рябушкина вызвала «скорую детективную помощь», чтобы отыскать невесту своего сына Людочку, удравшую прямо со свадьбы. Просмотрев кассету, записанную в тот злополучный день, Елена пришла в ужас: оказывается, в бегстве Людочки виновата она и ее семейство! Они как раз сидели в летнем кафе и видели, как девушка в подвенечном платье рванула из парка под смех и улюлюканье Лениного мужа. А все из-за того, что их сынок простодушно объявил на весь парк: невеста похожа на снеговика! Теперь Елена просто обязана довести расследование до победного финала. А на следующий день она узнала, что ее заказчица умерла, оставив сыну огромное наследство. Странная девушка эта Людочка! Кто же сбегает от богатого жениха?..

© Логунова Е. И., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Суббота	5
Понедельник	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Логунова

Кукиш с икоркой

Суббота

– Мама! Смотри, как он катается! – завопил Масяня, нетерпеливо подпрыгивая на верхней площадке детской горки.

Я послушно подняла голову, со страхом отследила, как ребенок вниз головой слетел с горки на животе, и сказала именно то, чего от меня ждали:

– Он замечательно катается!

Мася просиял и сообщил:

– Он будет еще!

В третьем лице малыш важно именовал самого себя.

– О, сколько угодно! – сказала я, при виде Масиной радости намертво задавив возникшее было у меня желание отчитать сынишку за испачканные штаны и порчу новой рубашечки. Одежда была художественно измазана солидолом, который трудолюбивый ребенок в разрушительном порыве собственноручно добыл из подшипника сломанной карусельки. Правда, карусель сломали еще до нас.

Малыш снова полез на горку. Я вздохнула и уткнулась в книжку, текст которой был выведен на дисплей карманного компьютера.

– Привет! Что читаем? – неожиданно нависнув над моей лавочкой, спросила Ирка.

Я замешкалась с ответом. Сидящий рядом со мной Колян насмешливо хмыкнул.

– Так, ничего особенного, – уклончиво ответила я, поспешно пряча «наладонник» в сумочку.

Читала я новый роман про Гарри Поттера, но признаваться в этом Ирке мне совсем не хотелось. Моя милая подруженька, посмотрев голливудское кино про мальчика-волшебника, неожиданно впала в настоящую поттероманию. Она захлеб читала книжки мадам Джоанн К. Роулинг, к месту и не к месту цитировала их, купила себе очки в круглой оправе и, отдавая распоряжения подчиненным и супругу, оттопыривала указательный палец на манер волшебной палочки. Мне такое идолопоклонничество казалось нездоровым, но из уважения к чувствам подруги я все же прочитала первую книжку и... неожиданно увлеклась! На мой взгляд, эпическому повествованию о многотрудной жизни маленького колдуна катастрофически не хватало динамики, но атмосфера волшебной сказки затягивала. Теперь я читала уже пятую книжку серии – разумеется, не забывая время от времени аргументированно критиковать это произведение. Колян надо мной тихо посмеивался, а над Иркой откровенно потешался.

– А где Моржик? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Расплачивается с таксистом, сейчас придет, – Ирка не глядя махнула рукой за спину.

– Крехс, пекс, фекс! Моржик, появись! – с легким завыванием призвал Колян, щелкнув пальцами.

Ирка посмотрела на него с подозрением.

– Учусь колдовать, – нимало не смутившись, ответил Колян. – Осваиваю классические заклинания.

– Крехс, пекс, фекс – это никакое не заклинание, – презрительно сощурилась Ирка.

– А вот и я! – Удачно избежав столкновения с детским велосипедом, к нашей лавочке приблизился Иркин супруг.

– А ты говоришь – не заклинание! – укорил Ирку Колян. – Действует же! Привет, Морж!

Мужчины обменялись рукопожатиями и сразу же устремили жаждающие взоры в сторону летнего кафе.

– Девочки, вы мороженое будете кушать? – предупредительно спросил Моржик.

– А вы, мальчики, будете кушать пиво? – догадалась Ирка.

Колян мечтательно зажмурился, сжал правую руку в кулак, а потом выбросил растопыренные пальцы вперед, словно бросил в сторону кафе пригоршню воздуха, и вскричал:

– Эне, бене, раба! Пиво, появись!

Моржик захохотал, а Ирка скривилась:

– Эне, бене, раба – это...

– Это никакое не заклинание, я знаю, – поторопился сказать Колян. – Но оно тоже работает: видишь, к столику бежит официантка с подносом, а на нем – кружки с пивом! – И Колян подставил раскрытую ладонь Моржику.

Тот немедленно хлопнул по ней, и оба захохотали таким вредным смехом, что Ирка негромко зарычала, и даже я пожалела об отсутствии у меня в данный момент обыкновенной, бумажной книги про Гарри Поттера. Увесистым томиком госпожи Роулинг хорошо было бы треснуть наших весельчаков по макушкам, враз перестали бы насмехаться!

– Эне, бене, раба! Квинтер, финтер, жаба! – слаженно декламировали, маршируя в сторону кафе, Колян и Моржик.

– Мальчишки! – фыркнув, я встала с лавочки.

Ирка, зыркнув вслед удаляющимся мужикам, толкнула меня обратно, села рядом и сказала:

– Не спеши, давай немного посидим тут, в тишине и спокойствии!

Я изумленно воззрилась на нее, с трудом удержавшись, чтобы не покрутить пальцем у виска. Детская игровая площадка в парке – это последнее место, где я стала бы искать тишины и спокойствия! Трели велосипедных звонков, рычание инерционных машинок, стук мячей, топот ног, разноголосые вопли детишек и скрип качелей сливались в дикую какофонию, которую нормальный взрослый мог переносить либо под общим наркозом, либо в состоянии глубокой медитации, либо будучи приставленным в качестве надзирателя к любимому ребенку.

– Мамулечка! Смотри, как он сейчас шваркнется! – из фонового шума вырвался звонкий голос Масыни.

Употребленный малышом глагол мне очень не понравился, поэтому я мигом слетела со скамейки, стартовала на голос и успела как раз вовремя, чтобы подхватить Масыню, шваркнувшегося с горки в полном соответствии с программным заявлением.

– Колюша! Нельзя перегибаться через перила! Ты чуть голову себе не разбил! – В сердцах я шлепнула ребенка по попе, выбив из штанов небольшое облако пыли.

– Котеночек мой! – нарушая воспитательный процесс, заворковала подросшая Ирка. – Масюшка-кисюшка-поросюшка! А вот что тетя Ира даст хорошему мальчику?

– Где это тетя Ира видит хорошего мальчика? – мрачно проворчала я.

– Конфету! – завопил Маса, вырываясь из моих рук и стремительно врбаясь в Ирку.

– Две конфеты! – в тон ребенку выкрикнула подруга, доставая из кармана «Твикс».

Маса деловито зашелестел оберткой, и это позволило нам оттащить его от горки, переместив за столик кафе. Колян с Моржиком еще топтались у стойки, оживленно обсуждая преимущества светлого «Левенбрау» перед темным «Туборгом».

– Три двойных пломбира и два по пятьдесят коньяку, – скороговоркой сказала Ирка подошедшей официантке и перевела унылый взгляд на меня: – Ты же будешь коньяк?

– Конья-ак? – подняв брови, повторила я. – Раз мы пьем коньяк – значит, что-то случилось. И, судя по твоему безрадостному виду, это «что-то» не относится к числу приятных сюрпризов! Ирен, рассказывай!

– Я только закурю! – Ирка вытащила из кармана пачку сигарет.

Тут уж я откровенно заволновалась:

– Ирусик, ты же не куришь!

– Пожалуй, пора начать, – мрачно сказала подружка. – Говорят, это здорово успокаивает.

Я внимательно смотрела на ее руки: они заметно дрожали. Успокоиться подружке действительно не мешало. Трясущимися пальцами Ирка потянула сигарету и уронила всю пачку под стол. Я поспешно нагнулась, подняла коробочку и выпавшую из нее свернутую бумажку.

– Ленка, у меня проблема! – ничего не заметив, пожаловалась Ирка. – У меня завелся этот... как бы его назвать...

– Герпес? – сочувственно предположила я.

– Хуже! Кавалер! – Ирка стукнула кулаком по столу, заставив пепельницу подпрыгнуть, успокаивающе улыбнулась Масыне и предприняла безуспешную попытку раскурить сигарету с фильтра.

Я удивленно моргнула, не сумев сразу придумать такого кавалера, который был бы хуже герпеса. Это кто же за ней ухаживает, интересно? Кошей Бессмертный? Совершенно машинально я развернула бумажку, выпавшую из сигаретной пачки, пробежала глазами короткий текст и остолбенела. Аккуратными печатными буквами на полоске бумаги было написано: «Поттер Гарри – колдовская харя!»

– Это... это? – Я слабо взмахнула бумажкой и уставилась на подругу с неммым вопросом.

– Ах, это Моржик! – Ирка вырвала у меня записку, скомкала ее и бросила в пепельницу. – Понимаешь, он ревнует.

– Моржик ревнует тебя к Гарри Поттеру?! – Я вытаращила глаза, как вареный рак. – Ирка! Ты же не хочешь сказать, что за тобой ухлестывает несовершеннолетний литературный персонаж?!

– Ты меня за идиотку держишь? – ощерилась подруга.

Я только моргнула.

– Поттер тут совершенно ни при чем! Моржик ревнует меня в том смысле, что... Ну, ему кажется, что я слишком увлеклась волшебной сказкой и стала уделять меньше внимания лично ему. Сдается мне, он немного комплексует, потому что бесконечно далек от прорицательства, превращений, гербологии и зельеделания.

– Ну почему, с зельеделанием у Моржика, по-моему, как раз неплохо, – справедливости ради возразила я. – Вспомни, какую он самогонку из облепихи делает!

– Это да, – Ирка немного смягчилась. – Но в целом всякие магические штуки Моржику чужды, и он по-детски сердится на меня за мой новый интерес. Вот, взял моду обзывать последними словами бедняжку Гарри Поттера. «Колдовская харя»! Фу, как грубо!

– К черту Гарри Поттера! – Я тоже сделалась грубой. – Что там у тебя с поклонником?

– О-ох! – Подруга вздохнула так, что скомканная бумажка с пасквилом на мальчика-волшебника выпорхнула из пепельницы и улетела прочь, как живая. – Представляешь, захожу я на днях в зоомагазин...

– Зачем это? – невольно заинтересовалась я.

Ирка сделалась краснее, чем чай каркаде.

– Хотела купить сову, – неохотно призналась она, посмотрев на меня исподлобья.

– Мама моя родная! – слабым голосом протянула я.

– Моя мама! – немедленно заспорил со мной Масыня.

Удивительно кстати подоспевшая официантка поставила перед малышом вазочку с пломбиром, и дискуссия на тему, чья именно мама была помянута, умерла в зародыше.

– Ирка, ты хотела купить себе сову, как у Гарри Поттера? Чтобы посылать с ней письма? – Я смотрела на подругу с недоверием.

К недоверию примешивалась добрая толика восхищения. Колоритнейшая фигура моя Ирка! Личность цельная и неделимая!

Потом я представила себе, как получаю от подружки письмо с совиной почтой, и подавилась коньяком. Воображаю: сижу я себе в студии, веду занудный прямой эфир с каким-то ответственным товарищем, и тут стекло аппаратной – бац! – и вдребезги, свет софитов заслоняет здоровенная распластанная тень, и на стол передо мной с утробным уханьем шмякается взъерошенная сова! «А вот кто-то из телезрителей хочет задать вопрос нашему гостю без помощи телефона!» – спасая ситуацию, светским тоном говорю я. И, напряженно улыбаясь в объектив, отвязываю от птичьей лапки рулончик исписанного пергамента...

– А вот и мы! – над нашим столиком нависла сдвоенная тень Моржика и Коляна. – Надемся, вы без нас скучали?

– Смертельно! – сквозь зубы процедила Ирка, посмотрев на искрящегося весельем Моржика таким взглядом, словно произнесенное ею слово могло иметь силу непоправимого проклятья.

Толстокожий Моржик очевидного раздражения супруги не заметил и крикнул официантке:

– Барышня! Локомоторс пиво!

– «Локомоторс» – это поттеровское заклятие транспортировки, – отчетливо скрипнув зубами, пояснила мне Ирка.

– Я знаю, – сказала я.

И тут же прикусила язык. Не буду признаваться, что я тоже чуток мерекаю в поттеровщине, хватит с нас и одной помешанной на магии!

В присутствии Моржика и Коляна разговор о поклоннике, занимающем в Иркином персональном хит-параде место ниже герпеса, продолжения не получил. Конспиративно болтая о разной ерунде, мы с Иркой налегли на пломбир. Подружка, пребывая в растрепанных чувствах, потребляла лакомство не вдумчиво, то и дело проносила ложечку мимо рта и несколько раз капнула подтаявшим мороженым себе на блузку.

– Дорогая, будь поаккуратнее! – Моржик предупредительно подал супруге бумажную салфетку.

Ирка слабо улыбнулась в ответ, развернула салфетку, и ее тусклая улыбка мгновенно погасла. В середине свернутой салфетки лежала узкая бумажная полоска, похожая на обрывок серпантина. На ней весело прыгающими буквами было выведено: «Гарри Поттер – обормоттер!»

Иркины глаза расширились до диаметра ружейного дула, а зрачки сделались похожими на мушки прицела. Подруга подняла голову и пристально посмотрела на мужа. Моржик остался совершенно невозмутимым, более того, он казался весьма довольным собой и окружающей действительностью и сиял внутренним светом, как накрытый шалью торшер.

– Батарея... огонь! – провокационно шепнул Колян.

Ирка по команде яростно скомкала салфетку вместе с запиской и швырнула ее в Моржика.

– Еще снаряд? – Мой собственный муж любезно предложил Ирке новую салфеточку, из складок которой изящным завитком предательски торчал узкий бумажный хвостик.

Не дожидаясь, пока подметное письмо обнаружит гневливая Ирка, я быстро потянула за хвостик и вытащила вторую записку. «На стихи про мага нам не жаль бумаги!» – было написано в ней.

Неэкономное отношение к бумаге я еще могла понять: записочку накалякали на полоске все той же салфетки. Дикое раздражение у меня вызвал совсем другой факт: множественное местоимение «мы» свидетельствовало о том, что очередной стишок Моржик сочинял не один. Выходит, и мой собственный муж примкнул к антипоттеровскому движению!

Я почувствовала, что мои зрительные органы тоже превращаются в огнестрельное оружие. Вдвоем с Иркой в этот момент мы должны были выглядеть, как зенитное орудие и стан-

ковый пулемет. Подруга хотела что-то сказать, но не смогла, только звонко шелкнула зубами. Это прозвучало так, словно клацнул ружейный затвор.

– Эти двое сговорились! Вот почему они так долго торчали у стойки – глупые записки на казенных салфетках писали! – обличительно вскричала я, некультурно ткнув указательным пальцем в Коляна и Моржика поочередно.

Колян дунул на мой перст, как будто это был дымящийся пистолет, а потом аккуратно нацепил мне на палец бумажное полукольцо.

– Не читай это! – вскричала Ирка, хватая новую полоску салфеточного папируса и широким жестом отбрасывая ее прочь.

– Это же было самое лучшее стихотворение, наше избранное! – искренне расстроился Колян.

Я не выразила ему сочувствия. Обернувшись, я проводила взглядом улетающий обрывок. Подхваченный ветром, он легко заскользил по воздуху и прибился к стайке конфетти. Бумажными кружочками, рисовой крупой и мелкими монетами как раз в этот момент осыпали жениха и невесту, выгуливающих по парковой аллее в полном парадном обмундировании.

Увидев невесту, Ирка мгновенно забыла все свои обиды. Моя подруга – жутко сентиментальная особа! Бракосочетание кажется ей столь трогательной церемонией, что при одном виде свадебного кортежа на глазах у нее появляются слезы умиления. Меня это ужасно раздражает – особенно если в этот момент Ирка сидит за рулем, и неуместное слезотечение ухудшает ее водительское мастерство, так что ведомая подружкой «шестерка» рискует протаранить тот самый свадебный кортеж!

– Мама! Что это? – на перемазанной пломбиром мордочке Масыньки отразилось живое любопытство.

Ложечкой ребенок указывал на нарядную группу в облаке конфетти.

– Масынька, смотри, смотри! – неумеренно восторженная Ирка подхватила малыша со стула и поставила на собственные колени – очевидно, для того, чтобы ему лучше было видно. – Посмотри, кто это там, такой красивый, белый?

Мася с сожалением оглянулся на отдалившуюся от него мисочку с бугрящимися в ней колобками мороженого, а потом послушно посмотрел на невесту, вытянул указательный пальчик и громко крикнул:

– О! Снеговик!

Боюсь, это бестактное заявление было слышно и на аллее. Во всяком случае, невеста, дотеле со смехом укрывавшаяся фатой от сыплющихся на нее монет, замерла и в полной неподвижности сделалась еще больше похожа на упомянутого Масыней снеговика. Пышный кринолин подвенечного платья здорово смахивал на искрящийся снежный ком, серебристая шапочка с вуалью походила на перевернутое ведро, а яркую полосу губной помады на расстоянии вполне можно было принять за классическую морковку носа.

Не удержавшись, я хихикнула. За моим плечом в голос густо захохотали Колян и Моржик.

– Перестаньте! – страшным шепотом засвистела Ирка, сконфузившаяся одна за всех.

– Красивый снеговик! – постановил Масыня. И в тишине, прерываемой лишь нашими сдавленными смешками, забил последний гвоздь в крышку гроба: – Большой и толстый!

Этого бедняжка невеста вынести уже не смогла! Подхватив пышные юбки, она прорвала кольцо столпившихся вокруг гостей и напрямик через клумбу побежала на улицу. Гневно загудел троллейбус, заревели клаксонами машины, со скрежетом затормозило такси. Я быстро посмотрела на Ирку. Она застыла, словно ее в момент прихватило морозом, и сама в этот момент походила на снежную бабу, по недоразумению слепленную с широко разинутым ртом.

По оживленной многорядной улице прочь от парка уносилась машина такси. Из-под захлопнутой задней дверцы, трепеща, как крыло пойманной бабочки, торчал хвост тюлевого шлейфа.

– Да-а-а, – протянул Моржик, когда гости свадьбы отмерли и покинутый жених запоздало побежал к дороге, на которой уже простыл след его невесты. – Вот это, я понимаю, драма!

– А ты: «Гарри Поттер, Гарри Поттер!» – тут же попенял ему Колян. – Радоваться надо, что твоя жена втюрилась в сказочного героя, к нему она уж точно не убежит!

Удивительное дело, но Ирка пропустила очередной «наезд» на Поттера мимо ушей. Я решила, что ее так сильно потрясло внезапное бегство невесты, но ошиблась.

– Он был здесь! Он ходит за мной по пятам! – в отчаянии шепнула мне подруга, когда мы всем составом покинули кафе, чтобы уйти подальше от гостей расстроенной свадьбы.

Колян вполне разумно предположил, что граждане, огорченные срывом торжества, могут предъявить нам претензии. Ведь это не кто-нибудь, а наш Масянька деморализовал новобрачную нелестным сравнением с большим и толстым снеговиком!

– Мася ни в чем не виноват, у ребенка богатое воображение, что тут плохого? – унося малыша подальше, отбивалась я от несправедливых упреков.

– Боже, какой кошмар! – Ирка на бегу заламывала руки.

– Да ладно тебе, кошмар! – сердито сказала я, поставив Масяню на ноги и оглянувшись на поотставших мужиков. – Не догонят эту невесту – найдут новую! Мало, что ли, желающих покрасоваться в платье с фатой!

– Кошмар не в этом! – сказала Ирка. – Мой кавалер, ну, тот самый, из зоомагазина, он следит за мной! Я видела, он сидел на дереве! Там!

Подруга махнула рукой в сторону покинутого нами кафе. Я зорко оглядела ближайшие деревья и на одном из них увидела белку, а на другом – дятла. Белка трещала шишкой, а дятел ничего не делал, только внимательно косил на нас блестящим глазом. Это, что ли, ее кавалер из зоомагазина?!

Я уже открыла рот, чтобы наконец спросить Ирку о личности ее таинственного поклонника, но тут нас догнали мужья, и интересный разговор пришлось отложить.

Поздним вечером, когда Масяня уже крепко спал, я позвонила Ирке по телефону и, изнывая от любопытства, спросила:

– Так что там с твоим зоологическим поклонником?

– Рассказываю по порядку, – деловито зашептала подруга. – Зашла я в зоомагазин... Уже говорила тебе, я хотела завести сову...

– А завела поклонника, – подсказала я, не желая ничего больше слышать о магических животных.

– Да он сам завелся! – вскричала Ирка. И тут же снова понизила голос. – Такой оказался заводной, просто ужас!

– А чем ты его завела? – полюбопытствовала я. – Ты призывно смотрела ему в глаза, плотоядно облизывалась, расстегивала пуговицы на блузке и виляла бедрами?

– Еще чего! – возмутилась подруга. – Ничего такого я не делала!

Если верить Ирке, она строевым шагом вошла в «Зоомир», не оглядываясь по сторонам, протопала к прилавку, там коротко спросила сову, получила отказ, безотлагательно совершила действие по команде «Кру-гом!» и вышла из магазина, чеканя шаг, как курсант кремлевской роты. Трудно было бы придумать линию поведения, менее похожую на женское кокетство! А принимая во внимание Иркины данные – сто кило веса и проходимость танка «КВ», проведенная подружкой демонстрация силы могла заинтересовать разве что представителя вражеского военного блока.

– Что-то в этом духе я и подумала, когда он увязался за мной от клеток с кроликами, – призналась Ирка. – Симпатичный блондин примерно моих лет, атлетически сложенный, в голубых джинсах и футболке, похожий на спецназовца в штатском.

– Ты решила, что он предложит тебе записаться в морскую пехоту? – я захихикала. – Это было бы забавно! Только вообрази: ты, жена Моржика – «морской котик»!

– Это совсем не смешно! – Ирка рассердилась. – Ты представь: я иду по улице, а он неотступно чешет за мной! Я один квартал прошла, второй, а он все идет, как бычок на веревочке! Я и думаю: чего этому бычку от меня надо? Развернулась, пошла ему навстречу!

– А он?

– А он разулыбался, как королева красоты, руки растопырил и говорит: «Ируня!»

– Как?!

– Видишь, даже ты не знала, как меня называли в ранней юности! Да, Ируня! – В голосе Ирки послышалось отчаяние. – Говорит он мне: «Ируня! Вот мы и встретились!» А хуже всего то, что я на него смотрю – и вроде морда мне его знакома, но смутно, словно я его во сне видела! А наяву точно никогда не встречала!

– Может, ты забыла? Наверно, вы просто давно не виделись, как раз с вашей общей ранней юности.

– Да клянусь тебе, никогда в жизни я не видела этого мужика! Уж я бы его не забыла, говорю же, парень видный, симпатичный, – Ирка тоскливо вздохнула. – И вот мы стоим посреди тротуара. Я на него смотрю, как баран на новые ворота, и он на меня тарашится, как мышь на крупу, аж облизывается, вот-вот накинется! Тут я не выдержала и строго так говорю: «Мужчина, вы обознались! Мы с вами не знакомы и никогда прежде не встречались!» А он тихо так, вкрадчиво отвечает: «Мы с тобой, Ируня, знакомы по прошлой жизни». Тут я решила, что он форменный псих, и шарахнулась от него прямо через дорогу, чуть маршрутку не затоптала.

– А он? – снова повторила я.

– А он так и остался стоять в своих тесных джинсах, как памятник голубым мечтам моей далекой юности, – с отчетливым сожалением вздохнула подруга. – Я ведь в ранней молодости именно о таком кавалере мечтала, точь-в-точь!

Я помолчала, решительно не зная, что на это сказать.

– Ну вот, а теперь этот псих из прошлой жизни все время вторгается в мое текущее существование, – грустно сообщила Ирка. – Нынче вечером, например, я увидела его в парке. Он сидел на дереве, как эльф-переросток, и с интересом наблюдал за тем, как я ем мороженое.

– Да уж, это было очень увлекательное зрелище! – съязвила я.

– Судя по многочисленным жирным пятнам на блузке, наверняка, – кротко согласилась подруга. – Лен! Что мне теперь делать? Я ведь Моржика люблю и совсем не хочу наставлять ему рога.

Из соображений такта я удержалась от остроумного замечания о том, что рогатый морж стал бы новым чудом природы, и сказала:

– Все очень просто. Этого твоего кавалера надо отшить.

– Пришить? – не расслышала Ирка. – В принципе, я готова убить любого, кто встанет между мной и любимым мужем, но ведь не так сразу...

– Добрая ты моя, – похвалила я подругу. – Ладно, не горюй, мы придумаем, как избавить тебя от назойливого поклонника!

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и на том закончили разговор. Я тихонько забралась в кровать, где уютно посапывал Колян, и почти сразу уснула. Но, очевидно, мое подсознание начало работать над поставленной задачей сразу же, потому что всю ночь до рассвета мне снились назойливые поклонники в голубых джинсах. Поштучно и целыми батальонами они ходили за мной по пятам, волоча на веревочках кроликов, сов, жертвенных бычков и тележки с мороженым. Наиболее настырные экземпляры, подобравшись ко мне поближе, начи-

нали интимно нашептывать что-то о нашей общей прошлой жизни, и лишь один красавец тихо сидел на суку кривой сосны, томно вздыхая и нежно поглаживая ручного дятла, пока я не сбила его с дерева метким броском бумажной салфетки, в которую был завернут добрый обломок кирпича. На кирпиче руническими письменами было начертано какое-то предсказание, но я не смогла его разобрать.

Понедельник

Выходные, проведенные в узком семейном кругу, освежают меня примерно так же, как каторжников работа в урановых рудниках. Воскресенье было таким утомительным, что в понедельник я проспала и опоздала на работу. Ворвалась в редакторскую, когда коллеги уже закончили распивать ритуальный утренний чай и разбежались по местам. На удобном гостевом диване рядом, как две птички, сидели только наши операторы, Вадик и Женька.

Птички из парней получились разнопородные. Взъерошенный Женька с покрасневшим носом и такими же очами смотрелся утомленным розовым фламинго, а нахохлившийся Вадик с глазами в темных кругах и уныло обвисшим носом напоминал сову. Вспомнив, что это почтовая птица недоброй памяти Гарри Поттера, я трижды плюнула через левое плечо и машинально посмотрела, нет ли в лапке Вадика бумажного свитка. Свитка не было, только чашка, из которой капало на палас, потому что руки у Вадика дрожали. Судя по всему, к чаю он даже не прикоснулся: чашка была полна до краев, и остывший чай в ней уже подернулся мутной пленочкой.

– Привет! – сказала я, устраиваясь за своим столом. – Почему вы такие унылые? Разве сегодня не профилактический день?

Раз в месяц, именно по понедельникам, на местном радиотрансляционном центре проводятся какие-то загадочные профилактические работы, в суть которых я никогда не вникала. Мне довольно того, что в такие дни наши собственные программы не выходят в эфир, так что журналисты и операторы работают куда менее напряженно, чем обычно.

– Де-ень? – с немалым удивлением протянул Вадик, недоверчиво посмотрев на тонированное стекло книжного шкафа. – А почему же окна темные?

– Потому что сегодня черный день, друг! – Женька сочувственно потрепал товарища по плечу и быстро глотнул из пузырька, спрятанного в кулаке.

Я узнала флакончик, в котором наш экономный главный инженер по профилактическим дням порционно выдает техникам чистый спирт для протирки каких-то загадочных «головок», и весело изумилась:

– Да вы пьяные! Мальчишки, вы обалдели, употребляете на рабочем месте? Да еще что употребляете – ценный расходный материал!

– С вами, бабами, не только обалдеешь, с вами вообще! – Женька размашисто погрозил мне пальцем, а потом тем же нетвердым перстом описал неправильный круг вокруг своей шеи и резко вздернул руку вверх, словно подсекая рыбу на леске.

– Ага, значит, вас обидели какие-то бабы? – догадалась я.

– Лю! – плаксиво изрек Вадик и резко кивнул, расплескав при этом половину содержимого своей чашки.

– Любимые? – уточнила я.

– Лю! – с надрывом повторил Вадик и сделал попытку трагически заломить руки.

Попытка не удалась, потому что руки не сумели встретиться, зато чашка окончательно опустела. Палас перед диваном промок насквозь, и ноги Вадика тоже. Я задумалась, затрудняясь подобрать подходящее слово, начинающееся на «лю». Любезные? Любознательные? Любопытные? Любимые? Вряд ли, тогда Вадик не жаловался бы.

– Люмпенши? – Я попыталась угадать еще раз.

– Лю – это Людочка! – сказал, словно плюнул, Женька, гневно топнув по обмоченному паласу ногой. Ковролин жадно, как болото, чавкнул. – Вадюху обидела Людочка!

– А кто такая Людочка? – спросила я, не в силах припомнить в ближних пределах ни одной дамы с таким именем.

– Вадюхина невеста, – как само собой разумеющееся, сказал Женька. – Она его бросила.

– Н-н-не пр-рошу др-рян! – с рычанием вскричал Вадик, демонстрируя высочайшую степень обиды на дрянную Людочку, после чего погрозил кулаком собственному отражению в зеркале и запустил в него пустой чашкой, однако промахнулся с направлением градусов на тридцать.

Чашка свистнула прямо в меня. С ловкостью циркового жонглера я перехватила летящий предмет и озадаченно посмотрела на страдальца. Понятия не имела, что у Вадика есть какая-то невеста! А ведь мы работаем вместе уже бог знает сколько времени, и не только работаем, но и приятельствуем! Я почувствовала обиду – не такую сильную, чтобы швыряться предметами кухонной утвари, но все же заслуживающую упоминания.

– Почему я не знала, что у тебя есть невеста? – немного надув губы, спросила я.

Гневным рычанием Вадик дал понять, что я выбрала неверную форму глагола.

– Почему я не знала, что у тебя была невеста? – Я подкорректировала формулировку вопроса.

– Потому что мама! – значительно сказал Женька и приложил палец к губам. – Тс-с-с!

Это звучало бессвязно, но на самом деле вполне могло сойти за объяснение. Мама Вадика – такая одиозная фигура, которой самое место в музее восковых фигур, где-то между Гитлером и Пиночетом. Пожилая дама с уютным именем Ангелина Митрофановна Рябушкина успешно командует крупным банком и больше, чем его репутацией, дорожит только счастьем своего единственного сына. К сожалению, взгляды Вадика и его любящей мамы на то, что такое счастье, разительно не совпадают. Вадик мечтает сделать карьеру на телевидении, заработать достаточно денег, чтобы жить отдельно от маменьки, и водить в свою собственную квартиру шумные оравы друзей и полки сговорчивых девчонок. Ангелина Митрофановна нетерпеливо ждет, когда Вадика надоест играть в богему, чтобы пристроить его на хлебное местечко в свой банк, разлучить с многочисленными бестолковыми приятелями и женить на девственнице. По поводу девственницы у Вадиковой маменьки форменный бзик, на соответствии будущей своей невестки этому критерию она настаивает категорически. Вадик же к непорочным особам относится с таким ужасом и отвращением, что вырвался бы из объятий самой Шэрон Стоун, признайся она ему в своей невинности.

– Мама нашла тебе невесту? – спросила я Вадика, выговаривая слова по слогам, чтобы смысл вопроса дошел до сознания, основательно затуманенного чистым медицинским спиртом.

– Л-лу! – скорбно взвыл Вадик.

– Да-да, Людочку?

– Л-лучше бы не находила! – сокрушенно покачав головой, выговорил страдалец.

Поскольку мне было очень интересно узнать причину Вадиковых терзаний, я не поленилась вскипятить воду и налить изрядно окосевшим приятелям по здоровенной кружке крепкого кофе. Заставила Вадика и Женьку испить чаши до дна, а потом минут десять так и смятлась парней, пока не составила себе более или менее целостную картину событий. Картинка получилась живописная, но безрадостная, как известное полотно «Утро стрелецкой казни».

Как-то сырым осенним вечером Вадик пришел с работы и застал дома идиллическую сцену, которая заставила его позабыть о запланированном на более поздний час походе в ночной клуб. Его маменька в гостиной пила чай с пирогом. Пирог умопомрачительно пах и имел самый приятный вид. Он был пухлый, румяный, и сквозь переплетенные полоски золотистого теста, украшенные на пересечениях разлапистыми цветочками, проглядывала распаренная оранжевая курага. К такому пирогу обычно прилагаются начищенный самовар, уютного вида бабушка в пуховой шали и толстая кошка, с громким урчанием и электрическим потрескиванием вытирающая о ноги гостей линияющие шерстяные бока.

С наружностью Ангелины Митрофановны, поразительно похожей на единокровную сестру Маргарет Тэтчер, а также со стильным интерьером гостиной домашний пирог рази-

тельно контрастировал. Зато с ним великолепно гармонировала милая девушка в белом кружевном передничке, повязанном поверх простого синего платья. Очаровательная барышня скромно сидела на краешке той жутко неудобной конструкции из хромированного металла, стекла и белого пластика, которую модный дизайнер самонадеянно назвал стулом, и не выказывала ни малейшего недовольства тем, что ее вынудили устроиться на неуютной помеси этажерки и куриного насеста. Более того, девушка ласково улыбалась Ангелине Митрофановне, с явным удовольствием уплетающей пирог, и держала наготове серебряную лопаточку.

Стоило Вадик появиться на пороге, как упомянутая лопаточка рыбкой сверкнула в воздухе, нырнула в пирог, и уже через мгновение на чистой тарелочке лежал аппетитный кусочек некультурного, но милого сердцу и желудку голодного мужчины размера «с коровий носочек». Наполненная горячим чаем чашка курилась паром.

Вадик влюбился с первого взгляда, но сначала не в девушку, а в пирог. В девушку он влюбился позже, когда хорошенько наелся и уже в благодушном настроении рассмотрел прозрачные голубые глаза, нежную кожу, свежие розовые губы без всякой помады, чистый высокий лоб и блестящие черные волосы, заплетенные в тугую косу. Вдобавок у барышни была ладная тоненькая фигурка и тихий мелодичный голос, приятно отличающийся от того стального лязга, который обычно издавал при общении с сыном речевой аппарат Ангелины Митрофановны.

– Это Людочка, она медсестра и хорошая девушка, – пробряцала Вадикова маменька, недвусмысленно акцентировав слово «девушка».

Вадик понял, что ему навязывают очередную девственницу, но не испытал обычного в таких случаях желания убежать куда подальше. Данная конкретная девственница выгодно отличалась от тех жеманных и нервных особ, которых Ангелина Митрофановна приводила прежде: похожей на непеченную дрожжевую булочку бухгалтерши Оленьки, зелено-вато-бледной и вялой, как вареная спаржа, библиотечарши Наташеньки, плаксивой дрессировщицы диких детсадовцев – воспитательницы Катеньки и той долговязой девицы с плохой дикцией и грацией молодой жирафы, имени которой Вадик вообще не запомнил. Людочка была приветлива без заискивания, улыбочива без подобострастия и общительна без назойливости. Она держалась скромно, но при этом не стискивала зубы и коленки всякий раз, когда Вадик задерживал свой взгляд на ее губах, груди или шее. Десятиминутный разговор о том о сем привел Вадика к революционной мысли, что и среди девственниц встречаются вполне нормальные люди, после чего он отважно предложил Людочке сходить с ним в ночной клуб. Девушка неохотно отказалась, а Ангелина Митрофановна отвесила сыну подзатыльник, неумело замаскировав его под ласковое материнское поглаживание.

Роман Вадика и Людочки, поощряемый Ангелиной Митрофановной, развивался неторопливо и достойно. Сначала молодые люди чинно встречались в доме Рябушкиных, где общались под строгим присмотром Вадиковой маман, потом им было позволено совершать непродолжительные прогулки без надзора, и в какой-то момент Вадик осознал, что он созрел для женитьбы.

Людочка ответила на предложение руки и сердца согласием, и Ангелина Митрофановна быстро и решительно, в присутствии ей жестком стиле, организовала свадьбу. Широкою общественностью, то бишь толпу друзей-приятелей и коллег Вадика, о предстоящем торжественном событии не информировали, круг званных гостей был ограничен немногочисленными родственниками Рябушкиных и еще более немногочисленными друзьями Ангелины Митрофановны. Отсутствие широты и размаха объяснялось вовсе не отсутствием финансов, так как состояние будущей свекрови свободно позволяло арендовать для проведения празднования половину княжества Лихтенштейн с приглашением членов правящей фамилии в качестве обслуживающего персонала. Мадам Рябушкина желала провести свадьбу сына в узком кругу лишь затем, чтобы положить начало кампании по отвращению Вадика от непутевых друзей-приятелей и недостойного образа жизни. К тому же Людочка очень кстати оказалась одинокой сироткой, так

что со стороны невесты гостей не было вовсе. Роль подружки – свидетельницы невесты Ангелина Митрофановна отдала собственной секретарше Алле. Наиболее отличительными чертами этой офисной барышни были губы, стиснутые так крепко, что все речи Аллы казались удачными опытами чревоушения, и безоговорочная преданность начальнице. Я однажды видела эту Аллу – она показалась мне похожей на хорошо выдрессированного добермана-пинчера.

– А ты-то как затесался в тесные ряды чистокровных арийцев? – немного обиженно спросила я Женьку. – Почему тебя позвали на свадьбу, когда всех остальных продинамили?

– Клянусь, это вышло совершенно случайно! – Женька размашисто перекрестился и сбил с подлокотника дивана собственную чашку с остатками кофе.

Палас украсился новым темным пятном.

– Мне позвонила какая-то тридесятая знакомая, предложила в режиме шабашки снять свадьбу, и я, естественно, согласился. И лишь позавчера, когда уже приступил к работе, узнал, что свадьба-то, оказывается, не чья-нибудь, а Вадюхина!

– Значит, свадьба была позавчера? – я немного запуталась. – Вадик, так ты женился или не женился?

– Он не успел, – ответил за товарища Женька. – Когда мы приехали в загс, там было какое-то затоваривание, на пяточке перед Дворцом бракосочетаний скучились сразу три свадьбы, и нас попросили подождать в отдалении. Мы пошли погулять по парку, а оттуда Людочка сбежала.

– Как – сбежала?! – Я изумленно ахнула и прикрыла рот ладонью.

Разумеется, мне тут же вспомнилась невеста, рванувшая из парка, как спринтер, на моих собственных глазах, под смех и улюлюканье моего собственного мужа, сразу после того, как ее обозвал снеговиком мой собственный ребенок! Мне стало нехорошо. До сих пор беглая невеста была для меня фигурой абстрактной, но если на этой девице-снеговике собирался жениться мой коллега и приятель...

– Вы в каком парке гуляли? – быстро спросила я.

– В Центральном.

– Ох! А невеста была в шелковом платье с серебряной ниткой, да? С голыми плечами и юбкой, похожей на капустный кочан?

– О! А я все думал, что же она мне напоминает, эта юбка! – некстати обрадовался Женька. – Точно, кочан капусты!

– Эксклюзивная модель из салона «Лебедушка», – закрыв лицо ладонями, прошелестел ссутулившийся Вадик.

Я тоскливо вздохнула и тоже пригорюнилась. Это что же такое получается? Получается, я несу определенную ответственность за расстроившуюся свадьбу товарища?

– Вадя, а ты с позавчерашнего дня эту свою Людочку больше не видел? – осторожно спросила я. – Нет? И даже не слышал? А хотел бы еще увидеть-услышать?

– Увидеть, услышать и надавать по мордасам! – зверски скривился Женька.

Вадик, не вынимая физиономии из ладоней, кивнул, но мне или Женьке – я не разобрала. Покинутый жених подозрительно всхлипнул, Женька сердито бубнил еще что-то недоброе про Людочкины «мордасы», и тут, перемежая нецензурные выражения богохульственными, в редакторскую вломился наш режиссер Слава. Он был весь какой-то перекошенный и вздыбленный: очки повисли на одной дужке, пуговицы пиджака сбежались под мышку, лицо в красных пятнах, наэлектризованный ежик волос в огнях святого Эльма.

Вообще говоря, наш режиссер то и дело пребывает в растрепанных чувствах, ибо вывести из себя его тонкую творческую натуру может любая мелочь. Мне уже неоднократно доводилось видеть Славу бегающим по стенам и топающим ногами, но сегодняшний режиссер затмевал собой разом и Петра Великого, обрывающего бороды боярам, и Ивана Грозного, убивающего своего сына. Бороды у меня отродясь не бывало, и в родственных связях со Славой я никогда

не состояла, но при его появлении испытала сильнейшее желание спрятаться под стол. Остановило меня, главным образом, отсутствие подходящего стола: я как раз стояла возле коротконогой тумбочки, ожидая, пока вновь закипит стоящий на ней электрочайник.

– Почему вы здесь? – Увидев меня и скорбно кукующих на диване операторов, Слава резко затормозил и близоруко – в тумбочку – полыхнул огненным взором, подстегнув им неторопливый чайник, который тут же закипел.

– А где мы должны быть? – осторожно спросила я, опасаясь услышать в ответ адресок из числа тех, которые пишут на заборах.

– Ты что, не в курсе? Ах, да, тебя же не было на планерке! – Слава по ногам сидящих на диване пробрался в свободный угол и со стоном рухнул на подушки. Болезненное шипение и тихая ругань Вадика и Женьки образовали слаженный подголосок. – У нас опять переворот! Власть переменялась, в кабинете директора снова сидит пресмыкающееся!

– Ой, как плохо-то! – Я схватилась за щеку, словно у меня внезапно заболел зуб.

Славины слова означали, что нашей спокойной трудовой жизни пришел конец. Маленькая телекомпания, в которой мы работаем, принадлежит двум собственникам. Несколько лет совладельцы сосуществовали мирно, а потом вдруг начали бодаться за единоначалие. Поединок оказался затяжным и многоэтапным, господа бизнесмены то перекупают один у другого долю, то судятся, то пересуживаются, и каждый промежуточный финиш знаменуется дворцовым переворотом. Пока бал правит один совладелец – в кресле директора сидит его ставленник, как только верх берет другой – присылает своего человека, так что работой нашей телекомпании руководит то старый директор Гусев, то новый – Гадюкин.

В принципе, оба директора далеки от того идеала руководителя, который видит в мечтах наш слаженный коллектив. «Оба на букву «г», – образно говорит Слава. Но к Гусеву мы привыкли, а к Гадюкину привыкать не хотим.

Смена власти в телекомпании всегда происходит болезненно. За последние три месяца мы пережили два штурма и один налет омонцовцев, которым кто-то из наших дворцовых интриганов в пиковый момент сообщил, что в телекомпании захвачены заложники. Крутые ребята, эти омонцовцы! Они ураганом промчались по нашим помещениям, оставляя за собой, как бурелом, поваленный на пол народ: искали заложников, которых, видимо, ожидали увидеть прикованными наручниками к батареям отопления. Заложниками были мы все, а по мордасам, как выражается Женька, получили через одного: женской половине коллектива рукоприкладства не досталось, потому что умные девочки шмякались на пол, как спелые сливы, не дожидаясь приказа... И потом еще месяц все, даже семидесятилетняя уборщица, ходили на работу исключительно в брюках и в обуви без каблуков, чтобы форма одежды соответствовала условиям работы, приближенным к боевым.

– Я что, пропустила штурм? – без всякого сожаления спросила я Славу.

– Штурма не было, на этот раз случилась бархатная революция, – покачал взлохмаченной головой режиссер. – Гадюкин заполз в директорский кабинет еще до начала рабочего дня, а на планерке первым делом распустил коллектив вплоть до особого объявления.

– То есть мы все в отпуске? – уточнила я. – А в эфире снова будет сплошное черное поле?

– Срыв всех плановых программ, испорченные отношения с рекламодателями, потерянный телезритель! – В голосе режиссера вновь зазвучали истерические нотки. – Гадский гад хочет, чтобы нас здесь не было, потому что боится провокаций!

Я удержалась от замечания, что гадского гада, в принципе, можно понять. В прошлое его недолгое царствование наш дружный коллектив «порадовал» заместника множеством акций протеста, самой невинной из которых был лозунг «Рожденный ползать летать не может!», размашисто начертанный губной помадой на двери директорского кабинета, прямо под новой табличкой с фамилией Гадюкина.

– Значит, можно уходить? – Я неуверенно огляделась.

Женька и Вадик даже после усиленного кофепития выглядели так, что было ясно: революция нечувствительно прошла мимо их сознания. Пытаться разлучить пьяненьких приятелей с редакционным диваном в данный момент не стоило. У Славика же был такой вдохновенный и одновременно злокозненный вид, что на месте господина Гадюкина я бы первым выставила за дверь телекомпании именно режиссера. Слава маниакально блестел очками и тихо шевелил пальцами. Я подумала, что не удивлюсь, если в ближайшее время окрестности гадюкинского кабинета украсятся новой ругательной надписью.

– Вы, я вижу, остаетесь, а я пойду, – извиняющимся тоном произнесла я, сгребая со стола свою сумку и тихо отступая к двери.

Никто меня не задерживал, в коридоре я не встретила ни одной живой души, и даже в курилке под лестницей было пусто. Выходя за стальную дверь телекомпании в солнечный июньский день, я чувствовала себя так, словно покинула зачумленное городище.

Во дворе было светло, тепло, славно пели птички и порхали бабочки. Я глубоко вздохнула, потянулась, сошла с крыльца, повернула за угол и врезалась в человека.

– Ой, простите! – виновато сказала я даме в длинном сарафане, цветом и силуэтом напоминающем копну сена. Сходство дополняли распущенные рыжеватые волосы женщины.

Копна обернулась и сердито блеснула на меня зелеными глазами, заявив при этом:

– Ну, наконец-то!

– Ирусик, это ты? – удивилась я. – А что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь тебе дозвониться! – Ирка помахала перед моим носом мобильником. – Что за чертовщина у вас с офисной АТС? Она наяривает Бетховена, как концертирующий Рихтер, но ни в какую не желает соединять с телефонами!

– Это, наверное, очередные происки гадского гада, – миролюбиво ответила я. И добавила грустно: – Похоже, он сделал какую-то подлость, чтобы офисные телефоны не работали, и еще распустил весь народ, так что я совершенно свободна на неопределенное время!

– Вот здорово! – подружка не разделила моей печали. – Ты как раз сейчас мне очень нужна!

– Мешки с семенами я разбирать не буду! – Я испугалась, что Ирка собралась использовать меня как рабскую силу в своем магазине.

– Эх, если бы мешки! – сокрушенно вздохнув, подружка взяла меня под руку и потащила прочь от захваченной врагами телекомпании.

Через пару минут мы сидели на скамеечке в скверике. Я с удовольствием любовалась желтенькими цветочками, а Ирка понуро тарасилась в свои льняные коленки, теребя бахрому на кармане сарафана.

– Что-то случилось? – спохватилась я.

– Мне прислали люпины, – мрачно сказала Ирка.

Это прозвучало так, словно ей прислали, как минимум, черную метку. Я немного испугалась – в основном потому, что не знала, что такое эти ее люпины. Может, какие-то похоронные принадлежности? Скажем, аксессуары для траурного венка?

– Неужели люпины? – осторожно повторила я, не спеша афишировать свое невежество.

– Когда-то, в молодости, это были мои любимые цветы, – скорбно призналась Ирка.

Я облегченно вздохнула, и пара пушистых одуванчиков на клумбе перед нами тотально облысела.

– Ну и что такого ужасного в том, что тебе прислали цветы? – спросила я подругу.

– Я боюсь, что это он, – Ирка подняла на меня тоскливый взор. – Мой неотвязный поклонник в джинсах! Кто бы еще вздумал ни с того ни с сего дарить мне букет?

Я хотела сказать подружке, что многие женщины на ее месте были бы просто счастливы получить такой знак внимания хоть от неотвязного поклонника в джинсах, хоть от отвязного без джинсов, но вовремя прикусила язык. Просто успела спросить себя, а была бы рада такой

оказии я сама? Вероятно, наличие дыхателя мне польстило бы – так, самую малость! – но ведь я мужа люблю, так что лучше пусть у меня самопроизвольно моль заведется, чем поклонник! Рассудив таким образом, я поняла, почему Ирка вчера сказала, что кавалер для нее хуже герпеса. От него же надо избавляться, а это такая морока! Иного поклонника вывести сложнее, чем тараканов!

– Чего ты хочешь? – прямо спросила я.

– Хочу, чтобы его не было! – быстро ответила подруга, неосознанно сделав пару магических пассов.

Я немного подумала, и у меня возникла интересная мысль:

– А если он вовсе не поклонник? Может, этот парень ходит за тобой по пятам не потому, что влюблен, а по необходимости? А вдруг он ищет возможность сделать тебе какую-нибудь пакость? Злоумышляет против тебя?

– Но цветы? – вскинулась Ирка.

– А что цветы? Может, он надеялся, что у тебя аллергия на пыльцу и ты с ног до головы покроешься волдырями! – хладнокровно возразила я. – Так что, прежде чем мы решим, отшить этого парня или вообще пришить, надо как следует разобраться, чего он от тебя хочет. Давай-ка для начала устроим ему проверку на вшивость...

Я снова погрузилась в размышления.

– Ну? – поторопила меня Ирка.

– Ты говоришь, что он ходит за тобой по пятам? – я огляделась.

– Я приехала на своей машине, – напомнила Ирка. – И специально следила, чтобы за мной не было хвоста.

– Это хорошо, но меня интересует другое: как он тебя находит, чтобы таскаться за тобой по пятам? Перемещаешься ты в основном на машине, предсказуемых маршрутов у тебя не так много. Ну, из дома в офис, потом из офиса в кафе и обратно...

Я подумала и решила:

– Скорее всего, парень поджидает тебя где-то у офиса, я бы на его месте поступила именно так... Все, я придумала! Где твоя «шестерка»? Едем к тебе на работу!

– Может, расскажешь мне, что ты придумала? – спросила Ирка уже на бегу.

Мы рысили в сторону автостоянки, где подруга оставила свою машину.

– Не буду рассказывать, а то ты меня раскритикуешь. Мой план, конечно, грубоват, но должен сработать.

Мы сели в «шестерку» и переместились к офису торговой фирмы, владельцами которой являются Ирка и ее супруг. Большую вывеску с игривым названием «Наше Семя» красиво обвивали какие-то зеленые побеги с сиреневыми гроздьями мелких цветов. Издали это декоративное растение смахивало на плодоносящий виноград с ягодами нехарактерного окраса и одуряюще благоухало. Сладкий запах ложного винограда я ощущала даже сидя в машине.

– Вылезай из автомобиля и как ни в чем не бывало топай в свою контору, – велела я подруге. – Иди неспешно, но по сторонам не зыркай, на меня не оглядывайся.

– Я буду наживкой? – догадалась Ирка.

Я фыркнула и хотела сказать, что на наживку такого размера свободно можно поймать кита-убийцу, но побоялась накаркать. На самом деле, я ведь пока не знала, не имеет ли преступных замыслов тот неотвязный тип, которого мне хотелось обнаружить.

Тип благополучно обнаружил себя сам, стоило только Ирке нарисоваться под сенью псевдовиноградных куц. Старательно играя роль «наживки», самодеятельная актриса явно переборщила. Я с трудом удерживалась от смеха, глядя, как шестипудовая подруженька изображает из себя Красную Шапочку. Выбравшись из машины, она первым делом огладила на крутых боках примявшийся пасторальный сарафанчик, игриво трянула распущенными рыжими волосиками и пошла, пританцовывая, к подъезду своей конторы.

Поскольку я велела ей не спешить, по пути подружка легонько пинала ногой подворачивающиеся камешки, заглядывалась на бабочек и даже сорвала с клумбы цветочек, для чего ей пришлось отпустить юбку, кокетливо подхваченную пальчиками. Как раз, когда Ирка застопорилась у обвитого ложным виноградом столба и закрыла глаза, в преувеличенном восторге нюхая сиреневую гроздь, над живой изгородью показалась голова в бейсболке. Голова была повернута в сторону милой крошки Иришки, которая раздувала ноздри, как притомившаяся лошадь, рискуя втянуть в гайморовы пазухи не только аромат цветов, но и полтора-два погонных метра зеленых побегов.

– Ага! – Я хищно потеряла ладони и приникла к стеклу окошка, рассматривая соглядатая.

К сожалению, лица его я не разглядела, потому что оно было скрыто в густой тени от козырька кепки, но поскольку голова нырнула за зеленый заборчик сразу, как только Ирка вошла в контору, я логично предположила, что шпион интересовался именно моей подружкой. Поэтому я тут же позвонила ей с мобильного на мобильник и радостно сообщила:

– Хочешь знать, где твой неотвязный тип? Он сидит...

Ирка не дала мне договорить.

– Он что – зэк? – испуганно спросила она.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Даже если на нем надета полосатая роба узника Синг-Синга, я ничего об этом не знаю. Мне видна была только голова в бейсболке. А сидит он в клумбе за живой изгородью.

– Какого черта он залез в мою клумбу с эксклюзивным ландшафтным дизайном?! – тут же взъярилась Ирка.

– Наверное, решил притвориться садовой скульптурой гномика, – предположила я.

С учетом того обстоятельства, что высота изгороди не превышала восьмидесяти сантиметров, шпион на самом деле вполне мог оказаться карликом, но я понадеялась, что это не так. Не хватало еще нам с дюжей подружкой вдвоем сражаться с одним лилипутом!

– Ирка, ты выходи из конторы и топай вдоль изгороди, на углу я тебя встречу, и мы устроим небольшое шоу.

Кратко проинструктиввав подружку, я потихоньку выбралась из машины, пригибаясь, перебежала на другую сторону тихой улочки и вновь пересекла ее поодаль с таким расчетом, чтобы как ни в чем не бывало подойти к условленному месту.

Красная Шапочка-переросток уже выжидаяще топталась на углу, маскируя эту задержку необходимостью поддержать под длинной юбкой воображаемые гольфы.

– Ирочка, привет! – неумеренно восторженно вскричала я, подкравшись поближе.

– О! – ответная реплика подружки была исполнена радости, но слишком лаконична.

Я поняла, что Ирка опасается сказать что-нибудь не то, и пожалела, что не проинструктировала ее подробнее.

– Чудесный день, не правда ли? – остановившись так, чтобы краем глаза видеть изгородь, я завела светскую беседу.

– О да! – согласилась Ирка, лучась искусственной радостью, как синяя лампа ультрафиолетом.

Зеленые веточки живой изгороди предательски затряслись, выдавая присутствие в клумбе какого-то немелкого живого организма. Очень надеясь, что это не крупный дворовый котик шныряет в кустиках, а Иркин соглядатай прислушивается к нашему содержательному разговору, я продолжила монолог восторженной идиотки:

– Теплое солнышко, легкий ветерок, аромат цветов... Скажи, чего бы тебе сейчас хотелось?

– А? – Ирка засмотрелась на подрагивающие кустики и окончательно потеряла нить разговора.

– Я спрашиваю, что ты хочешь делать в такую чудную погоду? – с нажимом спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.